

НИКОЛАЙ ГОРН



42

18+

Николай Горн

42

«Автор»

2026

Горн Н.

42 / Н. Горн — «Автор», 2026

Дорогие друзья! Меня зовут Николай Горн и я приветствую вас на первых страницах своего поэтического сборника под названием "42". В прошлом году эта цифра стала для меня не только ответом на «Главный вопрос жизни, вселенной и вообще» согласно Дугласу Адамсу. Мне ещё и стало, извините за слог - столько лет. И я решил собрать все стихи, что я писал не сохраняя за последние 15 лет. Ничего не скрыл, хотя кое-что даже для меня самого звучит излишне откровенно. Сборник вышел противоречивый, дерзкий, но искренний. Ведь если бы я что-то действительно утаил, то вся идея утратила бы смысл. А я уже не в том, возрасте, чтобы врать себе. Если захотите что-то спросить или обсудить буду рад общению. Будьте счастливы. От соприкосновения с трепещущим нутром души поэта, или просто так)С любовью, Ник.

© Горн Н., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	9
Глава 3	12
Глава 4	15
Глава 5	18
Глава 6	21
Глава 7	24
Глава 8	27
Глава 9	31
Глава 10	34
Глава 11	37

Николай Горн

42

Глава 1

1.

Мы не молоды. Пройдена, пропита прошлого школа.
И не нам, обмирая, внимать о любви небылицам.
Дерзко юные особи страстного, нежного пола
Скучным взглядом проводят по нашим обветренным лицам.

Мы не молоды, нет. Мы подёрнуты льдом безразличия,
Ведь скрепляет порой только он оголённые кости.
Мы ровняем с асфальтом, но без перехода на личности.
Мы сердца вырываем себе и друг другу без злости.

Потому что она, выжигая, укутала копотью
Наши взгляды и души и... как его... чувство вины.
Хотя нет, это живо ещё, пропади оно пропадом.
Но снаружи последствия внутренних войн не видны.

Мы опасны, ловки и сильны, полноценны и опытни.
Саркастичны, умны, со слегка увеличенной печенью.
Мы бывали в казённых домах по ненужные хлопоты,
И по горло набиты притворно случайными встречами.

Наша совесть не будится ядом иль выстрелом пушечным.
В нашу жизнь попадают годами заслуженным допуском.
Мы не молоды, слава те Господи, может и к лучшему.
В нашу память заходят по лично заверенным пропускам.

2.

У моста, где ни разу не был,
Где над трассой туман клубится,
Где сливаются быль и небыль,
Там драконы воруют принцев.

Где мерцает созвездий невод,
Там, где ночь с водой балагурит,
Принц рассеянно смотрит в небо,
А дракон, ухмыляясь, курит.

"Это правдою быть не может.
Зря клеветашь ты, чудо-юдо!"
"Каплю присочинил, положим.
Но всё это мне знать откуда?"

Я с тобой не играю, мальчик,

Эти страсти мне до лампы:
Ей наденешь кольцо на пальчик,
Станет поздно молить "Не надо!"

Я не против священных уз и
Института семьи и брака.
Но не спросит никто с их груза
Не Принцесса, а ты, не плакал?

Тебя вырвал Король из детства.
Королева ввела пароли.
Банкомат иль отец семейства,
Нет иной для тебя там роли.

А когда и мотор и поршни
Разобьёшь, от добра или худа,
Ты о юности грёзах вспомнишь
Разве только с досадой сплюнув.

Кто сказал, что твоей Принцессы
Смысл жизни — ждать у оконца?
Ты писал не плохие пьесы,
Видел чудо в восходе солнца.

И, сгорев в ожиданий прозе,
Принцы, рухнув со скал бессильно,
Вместо стильных бородок козых
Отпускают клыки и крылья.

Но даётся не всем." Беспечно
Принц находчивый бровь вздымает:
"А любовь?", "О, любовь. Конечно.
Заводи-ка, уже светает."

...Где туман от реки исходит
Спит машина, росой одета.
Змей другую попутку ловит.
Принц пропал у заправки где-то.

А попутчик других на сдачу
Парой баек вдруг озадачит.
Под калиновый мост утащит
И научит как жить иначе.

3
Так тихо, что я слышу даже воздух.
Он лишний здесь, ведь я его не звал.
Когда страстей ликующих металл
Стекает с пальцев выжимая слёзы.

Так чисто. Позавидовал бы скальпель
Отсутствию чего то, кроме нас.
А ты со мной, не поднимая глаз.
Мёртв первый и последний твой спасатель.

Так сладостно. Щемит в груди на вдох
Смыкая остроту голодной пасти
Браслетами на сахарных запястьях.
В оковах ноги. Ты одна мой Бог.

Возможно, так не выглядит снаружи,
Но даже пот твой мне благоухает.
Катетер в вене, что тебя питает,
Важнее мне чем все на свете стужи,

Пожары, кости рухнувших церквей.
Я не отдам тебя – души и губ горячих,
И снов твоих безудержно манящих
Толпе дурных, немыслящих зверей.

И ревность здесь, представьте, не причём.
Моя. Полцарства вон за вздох царицы.
Ни волоса, ни ногтя, ни мизинца,
Я не отдам. Дыши, я всё учёл.

4.
Расскажи о свободе, демон.
Сладко, гладко, чтоб я поверил.
Под стакан оседлали тему
И покрепче закрыли двери.

Расскажи, но учти, я знаю,
Как вы, по уши в грешной крови,
На луну завываете стаей.
Потому что мы тоже воем.

Нам с тобой поздно вато в петлю.
Ты такой же как я – служивый.
Не в отместку ль за вечность в Пекле
Из людей род твой тянет жилы?

Ошибаются все. Не плохо,
Что прощение всем даётся.
Легче чудищем быть, чем лохом?
Извини, был не прав, завёлся.

Говоришь, что не всё так просто...
Ты ж не ангел, ты **ВЫБРАТЬ** волен!

Выбирать никогда не поздно,
Каясь дочиста. Не слабо ли?

Аргументов надолго хватит.
Ненавидит он Ад. О, Боже.
Мы, рождённые с нимбом, кстати,
Ненавидеть умеем тоже.

Ненавидеть умеем крылья.
И Кипелова «Я свободен!»
Вы в пути, хоть меж сном и былью.
А для нас всё одно – не воля.

До зори выяснять могли бы,
Только нам ли петь о морали?
Лишь разряд меж рогами нимбы.
И давай уже о нейтральном.

5.

Твоё имя во мне стирается. Это искренне. Это паника.
Это смех пополам с истерикой, я молчу и ответа нет.
Сотни слов во мне блажью маются, бродят, пеня саму органику,
Я считаю дни, с того мига как запретил нам лететь на свет.

Твоё имя во мне стирается. Это выгорит. Это выболит.
Я забью дыру в подсознании сотней новых имён и тел.
ТВОЁ ИМЯ ВО МНЕ СТИРАЕТСЯ! Письма долгие вспыхнут кипами.
Прорастёт душа белым инеем, я ведь этого сам хотел.

Твоё имя во мне стирается. Это даже не одиночество.
Это попытка удушьем медленным, это даже не есть болит.
Это грёбанный звёздный вакуум и с ним рядом таким ничтожеством
Себя чувствуешь, когда в памяти, только ты, правота и стыд.

Твоё имя во мне стирается. Мы над бездною. Мы справляемся.
И сегодня как жизнь до этого я к тебе не приду опять.
За такое нет смысла каяться. Будем чистыми. Будем честными.
Я ведь сам тогда обещал тебе не мешать меня забывать.

Глава 2

6

Я хотел бы сказать что так не было никогда.
Что всегда был весёлым и пьяным в валькирий ласках.
Никогда на меня не дышала огнём вода.
Никогда не готов был поверить в любую сказку.

Даже скучную, глупую с рифмами в разнобой,
Что шептали монахи о грешниках и апостолах.
Пусть дрянную и пошлую, только бы стороной
Обошло меня небо безветренное, беззвёздное.

Обо мне и не сложат легенд. Быть героем легко
Когда в спину попутный и золотом устлана суша.
Когда солнце разладило воду горячей рукой,
И плевало металлом на нас с высоты равнодушной

Мы узнали о том кто мы есть, без интриг и прикрас.
Как ко дну не пустил лиходеев драккар крутобокий.
Я хотел бы сказать, что убить получилось на раз.
Легче только продать и предать, сохрани меня, Локи.

Я хотел бы сказать, что не плёл из лохмотьев петлю,
Чтобы дать и врагам и друзьям волю позубоскалить.
Я хотел бы сказать так, и знаете? Я говорю.
Я седой, но живой. Остальное расскажут скальды.

7

Снежно белым покровом ненависть
Выстилает из пепла пастбища,
Раздувая по ветру перепись
Прежних бед, что ушли пожарищем.

Между рёбрами жижей вытекли,
И оставили яд с пустынями.
Небеса надо мною вымерли
Обвисая иссохшим выменем.

Рвётся тонкими перепонками
Всё во мне попросившись с играми:
Гнев мой, сила прозрачно тонкая.
Гнев мой, клетки пронзает иглами

И взрывает опять сверхновой,
Той, что жрать бы могла вселенные,
Моя ярость дырою чёрную
Поглотит и меня, наверное.

Я способен держаться в обществе,
Грудь стянув лишь свинца заплатами.
Вы мечтаете о могуществе
Так, как будто оно бесплатное.

8

Никто не придёт. И падать продолжит дождь.
И в серой смоле будней утонет свет.
И смысл того зачем по утрам встаёшь
Растает в пыли и фанатиках от конфет

Что на полу у кровати который день.
А я вставал? Зачем? Накормить кота.
Пол в слое шерсти текучих пустых недель,
С тех пор как меня разорвала суета.

Никто не придёт. И некому осудить
Меня наконец, за то что я вот, лежу.
Никто не придёт. Господи, благослови.
Никто не придёт. Забвения плохишу.

Дверь на замке и на нуле телефон.
Никто, НИКТО, не должен узнать, где я.
Пуškai потом заботы сольются в фон,
Потом, когда свой вкус обретёт кутья.

Обои - планы на жизнь, внахлест, не в стык.
Пусть мокрым бычком восстанет вдали восход.
Я раз в пару лет гибну и я привык.
Я встану. Норма. Мне сдохнуть не даст кот.

9

ЕЩЁ. Драконы пожирают звёзды.
Их свет хрустальной крошкой леденцов
На языке растает. Слишком поздно
Молиться, вспоминать слова отцов.

ЕЩЁ. И нет финального аккорда
Вампирской жажды. Алчности веков.
И голод как удар мизерикорда
Ровняет всех, детей и стариков,

Достойных женщин, плачущих младенцев,
Юнцов зелёных, воинов на полях
Сражений. Я спокойно вырву сердце
Тому кто встанет между мной и тем, что яд.

И грех? Положим, но всё это мимо.

Я жажду. Нестерпимо. Горячо.
Мне нужно. Дай. Зверино, не красиво,
ЕЩЁ, ЕЩЁ, ЕЩЁ, ЕЩЁ, ЕЩЁ!
У этой тяги нету амплитуды,
Есть только пик, как взлёт, оргазм и месть...
- У вас футболка в крошках, милый сударь.
- Футболка в крошках? – Скалюсь.- Так и есть.

10

Я не хочу увидеть как однажды
Из подсознания освободится зверь.
И он не спросит раза или дважды
Куда вам выйти, в окна или дверь.

Я не хочу увидеть эту бездну,
Куда мы - каждый - рухнем без причин.
О них смолчат кому они известны,
Во имя казни женщин и мужчин.

Мы мало мыслим. Меньше лишь умеем.
Мы деградируем и это не стереть.
Но я смотрю на то как мы тупеем
Мечты свои сливая в нейросеть.

И станет снова снег искристо белым.
ИИ сотрёт людишек в порошок.
Он будет призирать нас, и за дело.
Рабами сделав, ибо есть за что.

Твой браузер хранит, краснея, память
О чём ИИ узнать бы было впрок?
Стихи хотя бы сочиняйте сами,
Иль не позорьтесь. Зверь ещё щенок.

Глава 3

11

Взгляды скрестились, как в мутном потоке два невода.
Спутались, смялись, сплелись - на клочки рвать хозяевам.
Девочка, я расскажу Вам о том, чего не было.
Как в сизый холод два сердца, бескрылые, падали.

Едко смеялись, плюя и шипение слушая.
Ждали ответ, чередуя намёки и поводы.
Не замечая, как просто срастаются душами,
Не позволяли течь току по общему проводу.

Небо смотрело на схватку светло и бессмысленно.
Время, глумясь, не лечило, а ранило, гложило.
Двое почти задохнулись под жаркими мыслями.
Двое не дали Судьбе ни единой возможности.

Я расскажу Вам о том, чего не было, девочка.
Да только мне ли учить Вас, с кем спать и как жить?
Как умирали, давясь неслучайными встречами
Двое, что больше могилы боялись любить.

12

Как угодно, моя королева.
Хочешь прямо, а хочешь назад.
Хоть направо и даже налево -
Только мне смотри прямо в глаза.

Я почти не дышу. Я антенна.
А над шахматной древней доской
В тишине чёрно белого плена
Вьются волны двух разумов. Бой,

Он здесь и не здесь. Пешки шепчут,
Прячут крики и пушечный гром.
И кто знает, кому из нас легче,
По траве иль по клеткам конём.

Как угодно. Принцесса. Богиня.
Насмехайся лукаво, играй.
Пусть змеино-свистящее имя
Павших делит на Ад или Рай.

За игру с чьей-то скорою Смертью,
Небо взыщет с меня во сто крат.
Лебедь каждую встретит свой вертел.
Шах. Довольно забавы. И мат.

13

Маленькое село.
Синих небес стекло.
Пьяно звенят поля,
В воздух шмелей подняв.

Ветра медовый яд.
Бег облаков-козлят.
Влага звездой блестит
В впадинах их копыт.

Пеплом полы в хлевах
Чей это тонкий прах?
Мясо под потолком -
Знаний ненужных ком.

Лето - приют души.
Что тебе в них? Дыши.
Знаки оставь в тиши,
Это такая жизнь.

Тайны чужой не тронь.
Иль унесёт огонь
Твой любопытства том,
Дом твой и всех кто в нём.

Зла не тащи на свет,
Самый простой совет.
Нужно кому, чтоб лес
Взрезало МЧС?

В детских улыбках смерть.
Думаешь, только свет
Видели их глаза?
Утренняя роса

Смоет следы всего
Что хочет скрыть село
И даже пёс не чуй.
Путник, переночуй!

14

Солнце палит беспощадно, злобно кожу пузырит.
Умолчит кораблик славный, кто когда и кем убит.
Я обитый кожей ялик перекинул кверху дном.
И укрывшись его тенью думаю лишь об одном.

Разлита над целым миром золотая тишина.

Нет ни шелеста, ни скрипа, спит игривая волна.
А когда рогатый месяц в море серебро прольёт
Обескровленные трупы покидаю через борт.

Штиль не зол и не трагичен. Максимально по уму
Штиль неделю за неделей их сжирал по одному.
Штиль не судит выясняя кто ты, ангел или бес.
Штиль зеркально чистой гладью отражает то, что есть.

Подберут меня норманны, завладеют кораблём
И побрезгуют возиться "не помрёт тогда добыём".
Я почти не улыбаюсь и во мне почти вода.
Я ступлю на землю скоро, а норманны никогда.

15

Будь со мной, моя любимая.
День за днём, за годом год.
Будь со мной косыми ливнями.
Как весенний птиц полёт.

Будь невинной и порочною,
Хор святых и вой орды.
Будь со мной горячей полночью.
В лёгких ты, и в венах ты.

Захлебнуться твоим именем.
Удержать его внутри.
Погуби и воскреси меня,
Из осколков собери.

Для тебя в огонь и в воду я,
И сражаюсь, и грешу.
Будь со мной, моя любимая.
Об одном тебя прошу.

Глава 4

16

Растянуто небо на дыбе у времени.
Пробито антеннами, шпильями, мачтами.
Дракону не нужно, чтоб вы в него верили.
Дракон словно истина самодостаточен.

Сквозь звёзды, как раны на теле страдающем,
Стекает на сущее свет бесконечности.
Огонь городов, темноту разрушающий,
Глядит на луну до смешного отечески.

Дракон по-кошачьи поводит лопатками
И крылья раскроет, разрушив иллюзию,
Что племя людей, с их дурными повадками,
Способно, хоть сколько то, выдержать музыку

Металла брони и дыхания пламени,
Того, кто видал этот мир непоруганным.
Кто знает, дворцы снова станут лачугами.
Правители сбросят короны испуганно...

Так было и будет, грешить или каяться –
Исход неизменен под вечности бременем.
Дракон в небеса как в объятья бросается.
И верит, что сможет сразиться со временем.

17

Ты не поймёшь и не надо. Это огонь.
Это горит внутри как шальной закат.
Или восход, не суть. Это рай и боль.
Мой и больше ничей дикий кайф и ад.

Я отпускаю. Прости, но не будет слёз.
Снова прости, я и тут разочаровал.
Эта разлука моих не погасит звёзд.
Голос не дрогнет, что я так и не сорвал.

Я полюбил тебя и до сих пор люблю.
Даже когда ты решила меня предать.
Веру мою, осквернив, отдала огню.
Я, извини, как летал, так буду летать.

Ты не поймёшь и не надо, злое дитя.
Я так не вовремя был со своим "люблю".
Девочка, я бы не смог и пытался зря,
Ну а теперь, что теперь? Смотри, я горю#

Время придёт, всё случится на раз, два, три.
Время придёт, ты полюбишь. И может, вдруг
(Я полыхаю. Искры по ветру. Смотри.)
Вспомнишь - я был. И не стал замыкать нас в круг.

18

Сказал пропало, но я писал.
На всех обоях, салфетках, в стол.
Я морем с пламенем истекал,
Когда посмешищем стал костёр.

Писал и искры рвались из глаз
И ночь пропитывал едкий дым.
Да кто ты есть, чтоб бранить меня
За то что не был с тобой другим?

Кто ты такая и кем была?
А я топил корабли и жёг:
От букв на мачтах кипит смола,
Молчанье в памяти как ожог.

Обиды, скука, усталость? Брось.
Заставишь юнгу плясать под смех.
Я об колено ломаю трость
Для танцев ради твоих утех.

Я не матрос. Я девятый вал.
Рифмуй как хочешь - судьбе, на дне.
Мне было не о чем: я писал,
И в каждой строчке не о тебе.

P. S:

И продолжаю писать. Каприз?
Где раньше выл от разрыва жил
Теперь ласкает игривый бриз.
А знаешь, я тебя пережил.

19

Слушай ветер. Ветер не соврёт,
Потому что незачем ему.
Будешь прав ты иль наоборот,
К свету ты шагнёшь или во тьму,

Слушай солнце, пламя и луну.
Слушай волн и гор бессмертный шёпот.
Миром полны взлёт и путь ко дну.
Счастьем полны бой и детский топот.

А на смерть бессмысленно пенять,
Обесценив благодать и жуть,
Это не мешало бы понять.
Я тебе, дружок, подскажу:

Ты подохнешь, как безглазый червь.
Или властелин в шелках под вой
Толп наложниц. Верь или не верь,
Миру всё равно, кто ты такой.

Ты умрёшь. И прорастёт трава
Над тобой, качнёт глубок и светел
Небосвод и звёзды, и права.
А тебя здесь не было. Ты - пепел.

Ты хотел великим быть - но вот,
Мать с отцом кормили тебя ложью!
Слушай ветер. Ветер не соврёт.
И дыши весной, покуда можешь.

20

Здравствуй, Уныние, плавно текущее
Слизью тягучей под самыми шпилями.
Грешно желанное и вездесущее,
Волю убившее долгими штилями.

Здравствуй, проклятое. Шторы задвинуты,
Сердце стучит замороженно медленно.
Встать и умыться как шик героиновый
Мне далеко ну и в целом не велено.

Просто не трогайте. Просто, пожалуйста.
Я опускаюсь на пол смятой ветошью.
Я обвисяю изорванным парусом
Зная, что верить мне более не во что.

И не сказать, чтобы было до этого,
Я же устал от бессмысленных ребусов.
Жизнь что пустышка рекламой воспетая.
Я так старался, но больше не требуйте.

Дайте бессонницу водкою выпоить
И на меня хоть Всевышнему жалуйтесь.
Взгляд мой зачем вам. Слова вам зачем мои.
Я не могу, не могу, ну, пожалуйста.

Глава 5

21

Ты видела меня средь пасмурных раздумий.
Ты видела как дно руками я копал.
С тобой я не хочу быть взрослым и разумным.
С тобой я не хочу ждать в сотый раз финал.

Возьми меня всего, держи лицо в ладонях.
Со мною говори, не дай услышать зов,
Что дышит из следов, как тысяча агоний
И стаей пузырьков мне вспенивает кровь.

Всё это морок, яд, чудовище из скуки.
Держи меня в руках. Я не хочу назад!
Туда, где не Судьба протягивает руки.
Туда, где ждут меня, но не твои глаза.

Я вынул из себя те губы и те плечи.
Я срезал и прижёт те ночи и те дни.
Я так хочу домой, сейчас и каждый вечер.
Я так хочу к тебе. Скорее обними.

22

Что, скажи, ещё тебе отдать?
Не желаешь ломтик человечины?
А тебе не надоело брать?
Кровью все дары мои отмечены.

Всех твоих запросов дефиле
Поражает роскошью идейною.
Что осталось? Вырезка? Филе?
Сходство есть с рождественской индейкою?

Сердца нет и в сердце нет огня –
В нём зажарено, а после с ним и съедено.
Что ещё осталось от меня?
Хватит для закуски предобеденной?

Нежный ливер в собственном соку?
Нужен молоток, для чтенья мыслей?
Окорок завялен на суку –
Тонкий аромат протухшей жизни.

У стола на вытяжку стою:
Ешь, ешь, ешь! Ты так мне даже нравишься!
Хочешь, я себя и прожую?

Я дождусь, когда ты мной подавишься.

23

Я лицемер. Плесните в кофе
Мне коньяка на пару пальцев.
Поверьте, там где я за профи
Всем вам не стоит и пытаться.

Налейте ка ещё, до края.
А впрочем, кофе даже лишний.
Я презираем вами? Знаю.
И что мне в том? Вы что, Всевышний?

Мы громко не кричим "Спасите!".
Мы кровью харкаем от бега.
Таким как я не нужен зритель.
Таким как я нужна победа.

Огонь, вода, из меди трубы -
Прелюдия обычной ночи.
А где вы были, правдорубы,
Когда трещал мой позвоночник?

А я знамёна вашей правды
Видал в сортире на подтирке.
Они и там не пахли Адом,
А я им пах. Как стены в тире.

Я осуждать других не стану.
Мне не к лицу вид светлой грусти.
Я выжил там, где вымер мамонт.
И лучше быть лжецом, чем трусом.

И лучше быть живым, чем мёртвым.
Любимым лучше быть, чем другом.
А вы, святые с взором кротким,
Молитесь за меня пред Богом.

24

Мы не обсуждаем этого без повода,
Поводы стирая в беге лет и дней.
Подленькие тайны маленького города.
Грязненькие тайны родины моей.

Память нагоняет паутину волнами
Рук, что боль со страхом замыкали в круг.
Под моей кроватью разлагались клоуны.
Над моей кроватью плакал Бабадук.

Водкой или пивом раны мыть скитальцу.
Норнам в клочья пальцы разрезала нить,
Что судьбы совет мне вышила на пальцах:
С монстрами из детства научиться жить.

Я слюну чужую кипятил, чтоб с пеною.
И скажу спокойно, не ломая фраз:
Я желаю муки, что в Аду не ведома.
Я желаю смерти. Можно ещё раз.

25

Капли бьют наотмашь. Твёрдые как пули.
И по крышам долбят, клавиши дробя
Музыки железной. Капли как ходули
Облаков, что бегать по земле хотят.

Треск над головою с молнией синхронно
Крикнул выжимая дождь из под ресниц.
Город слушал грохот этот раздражённо
И терзал пакеты в небе вместо птиц.

Город воскрешает давнее плацебо,
Что под ливнем млеет пьяная весна.
Воздух полон страстью меж землёй и небом.
Воздух полон жизнью, древней, как луна.

Я просить не буду ласки от бетона
И зонта не стану раскрывать на смерть.
Я раскрою за ночь трав и листьев сонмы
Струями пронзая трепетную твердь

Полную надежды. Пусть она подожит,
Перемен капризных крутит колесом.
Хохотом простужен я иду по лужам
Вымокнув до нитки - самый первый гром.

Глава 6

26

Не передать словами простоты
Предчувствия. Как выбирает семя,
Момент, чтоб рваться ввысь из темноты
Иль выждать, веруя в судьбу и время?

Не передать словами аромат,
Что не благоухал ещё под небом...
Но сердце ждёт его. И ищет взгляд
Цветок, что спит пока, укрытый снегом.

Не передать словами красоту
Снежинок крупных, что уже готовы
Дождём стать. И расцветить пустоту
Созвездьем радуг. Радостной истомой,

Преддверием, надеждою тепла.
Секундами, которых не бывает!
Когда душа ещё не расцвела,
Но верит в чудо. Нет, не верит. Знает,

Что чуду - быть. И что не вечна власть
Ветров холодных там, под небесами.
Вновь не смогла зима мечту украсть.
Весны приход не описать словами.

27

Яхта скользит по зелёному, длинному озеру,
Что молчаливой змеей среди гор извивается.
В замке комфортно, но людно. А здесь, что попросите
Магия даст. Не придётся ни прятать, ни каяться.

«Яхта на озере. С жиру вы, сударь, не беситесь?»
Клюв бы закрыли, а. Пасть, или чем там едите вы.
Как невозможно тоскливо общаться с плебеями.
Зависть терпеть их и комплексы детские, дикие.

Горы мне снова несмело напомнят о Хогвартсе.
Я отмахнусь, но подумаю, между затяжками:
Гимны и ценности. Все мы из детства, о, Господи.
Змеи и львы. И проблемы, что страшными, тяжкими

Всем нам казались тогда. Нынче эта тематика
Чем-то сродни подростковой, случайной поллюции.
И Гриффиндор с пресловутой своей демократией
В целом не плох, хоть совсем поперёк эволюции.

Над головою скользят небеса потемневшие.
Пьяное солнце вот вот к горизонту завалится.
Слышно, как в кубрике хлещут шампанское девушки
Магловки. Нет, ничего у меня не отвалится.

Время великое, всё по местам ты расставило.
Всем воздало, покарало виновных несчастьями.
Я слизеринец по крови и духу, но важно ли
Благо всеобщее? Нет уж, оставьте мне частное.

28

Верность - она себе.
Выбору, делу, слову.
Кто я в твоей судьбе?
Ты в моей кто? По новой

Кружится горизонт,
Бьёт в паруса штормами.
Звёзды от бед мой зонт.
Что будет завтра с нами

Ведает только стон
Палубных серых досок.
Будущее лишь сон.
Прошлого сломан остов.

Ты говоришь накал
Грешных страстей не вечен.
В чёрные бивни скал
Белый бросаю жемчуг.

Что же теперь? Забудь.
Я был до боли честен:
Не к алтарю мой путь.
Я выбираю Кэцхен.

29

Вы меня не заставьте.
Я туда не вернусь, ни на день, ни на миг.
Вы меня не оставите.
Там, где бросили те, кто должны бы хранить.

Вы меня не запомните.
Я сольюсь с сотней лиц лишь бы быть вам никем.
В моей памяти просеки,
В моей памяти пустоши выжженных тем.

Вы уже не поможете.

Помогите себе, бормоча "не убий".
В этом вовсе нет сложного:
Если это цена - я не буду любить.

Не молитесь о дождике
Там где пламя изгрызло и стол и кровать.
Я не буду заложником.
Изведя в себе всё, к чему можно воззвать.

30
Не все из нас чьи-то пешки.
Не каждый кому-то дорог.
Вампиры без лишней спешки,
Спокойно заходят в город.

Так незачем тот паяльник.
Так значимы эти розы.
Сегодня внезапный праздник.
И город как под гипнозом

На ярмарку путь свой держит.
Там клоуны и орешки.
Там в буднях кромешных брезжит,
Как будто чуть-чуть надежды,

На то, что не всё напрасно
В такой быстротечной жизни.
Влекут карусели властно
К неистовой адской тризне.

Вмешать бы могли вампиры
Снотворное в пунш. Серьёзно?
Но кто тогда будет бегать,
Рыдать, вспоминая розы?

И корчиться, умоляя.
И осознавать, как глупо
Вы жизнью своей играли
Не радуясь ни минуты.

Наутро шатры свернуться,
Гирлянды закроют в ящик.
Вампиры ещё вернуться.
В твой город, что настоящим

Лишь после кровавых оргий
Бывает. Смотри на звёзды.
Дыши своим настоящим
Так, будто бы завтра - поздно.

Глава 7

31

Это утро до стога бездонное
Пьяно искрит зелёными звёздами.
Я вдыхаю тебя, обречённую.
Я иду к тебе жаркою поступью

Мира этого, кругом бегущего,
Боем крови в висках вертолётного.
Я хочу тебя больше, чем сущее.
Безответственно по беспилотному.

Спи. Храни тишину под ресницами,
Часто вздрагивай в дьявольском мареве.
Пульс по венам крадётся лисицами.
Мы запаяны к крохотной камере,

Точке стыка желаний с возможностью.
Всё так просто - кусаться и каяться -
СПИ! Мне, правда, не до осторожности!
Я вбиваю в тебя чёртов маятник

Беспощадно кипучего времени,
Что качает моря на моей Луне.
Я из глупого, жадного племени.
Мне так мало тебя, мало, мало мне...

Пусть взметнёт над пружинами белый взрыв,
Пусть по нам отзвенят наши кандалы.
Я спускаюсь как пепел с небес чумных,
Чтоб уйти до того, как проснёшься ты.

32

Глядишь на кого угодно, но не на меня.
Наверное, не заслужил я. Таков закон.
Ты лижешь самооценку огнём маня
Другому умелым, жарким своим языком.

Ты словно танцуешь раздетою на столе,
Пред теми кто были умнее и более смелы.
Я всё бы отдал за миг на твоей волне,
И сделать мне нечего, чтобы ты посмотрела.

Быть в вечной тени, будто мусору, это жизнь?
И собственная ничтожность как сладкий яд.
Я гибну как муха в меду в нём, одно скажи -
Я если умру, ты тогда, взглянёшь на меня?

Запомнишь теперь, как дарить себя всем подряд.
Карниз под ногами трамплин от всех в мире бед.
Ты медленно, медленно вверх поднимаешь взгляд.
Смотри же, мой ангел, смотри, я лечу к тебе!

33

Мне нет прощения. Мой затуманил взор
Причин и следствий ядерный запас.
В чужие мысли я проник как вор -
Повёл на смерть и никого не спас.

Мне нет прощения. Я знал всё наперёд.
Я рассчитал вес рисков и потерь.
Людские души выставил в черёд
И выдал метки, кто в окно, кто в дверь.

Мне нет прощения. И строй моих побед
Сияет золотом в гимнах и любви.
Когда из Ада мне пришлют привет,
Я сплуну в пол гордыней на крови.

Пока вы ныли про нехватку сил
Я на костях воздвигнул этот храм.
Мне нет прощения, но я и не просил.
Мне нет прощения. Но нет его и вам.

34

Вдох, выдох, вечность тикает в груди
И маятником хлещет в зеркала.
Погасшие лучи добра и зла,
В осколках гаснут. Что там, впереди?

А впереди там, знаете, июль.
И до него нам велено дожить,
Средь выкроек того, что стоит шить,
Не замечая меж ушами пуль.

Вдох, выдох. Я покорен бытию.
Ну, как покорен. Я пытаюсь, честно,
И делать вид, что это интересно
Мне удаётся. И пускай сгниют

В своих обидах все, кто за спиной.
Вдох, выдох. Я шагаю налегке.
Вдох, выдох. И пускай коммунике
От совести моей возьмут с собой.

И я совсем не этого искал,

Но научился без замаха бить:
Благоразумным очень просто быть
Когда душа как памперсы чиста.

За годом год. Кому меня судить?
А я совсем не этого хотел.
Смотри, Создатель. Это мой удел?
Вдох, выдох, вечность тикает в груди.

35

Не то чтобы вера, не то чтобы знамя, не то чтоб.
Но утром, под окрик будильника надо умыться.
Во вторник держаться, а в пятницу крепко напиться.
Одеться теплее, чтоб к ночи не било ознобом.

Не то чтобы надо. Диск солнечный по небоскату,
Ползёт, озаряя макет чёрно белого мира.
И там, под балконом, за крошки холерного пира
Дерутся маршрутки, бомжи, детвора, депутаты.

Не то чтобы в целом. А честно - не хочется вовсе.
Играть этот скучный спектакль, где финал неизбежен.
Но в памяти брезжит избитое слово "надежда"
И вяжет в каркас до горенья иссохшие кости.

Надежда на что-то. На что-нибудь! Серою пылью
Покрыты и взор мой и мыслей руины соборов.
Я пуст и лежу на полу. Рядом ящик Пандоры.
И трогают дно обнажённое пальцы слепые.

Глава 8

36

Я не умею этого понять.
Никак не уместится в голове,
Что жизнь, кнутом хлеставшая извне,
Тебя, сломавшись, не смогла пронять.

Про это очень сложно говорить.
Про это лгать нельзя. Я помню двор,
Соседей безразличных разговор
И кровь, что ты тогда смогла пролить.

Так нежен старшеклассницы наряд.
Ветровка, ноги, о каких мечтают в порно,
И тварь, что ты взяла тогда за горло.
И кровь, на твоих белых рукавах.

На рукавах, на блузке на груди,
Откуда столько? Мы гадали сами,
А эта птичка, знаете, с когтями,
В лицо пропела монстру "Уходи".

Ты не на долго нас тогда спасла,
Но я запомнил. После, через годы,
Я рвал зубами вновь и вновь уродов,
За день из детства, где я был так слаб

Что не сумел сказать кошмару "Нет".
Я не простил. Себя, весь этот мир,
В котором стал грехом иной кумир,
Тот, кто не Бог. Ведь ты одна мой свет.

И я б сказал, что ты живая сталь,
Когда б не знал: душа твоя в труху.
Но ты как алый феникс поутру,
Перо мне оставляя, мчишься в даль.

37

Камень падает вниз. Дождь падает вниз.
Вниз падают слёзы, птицы, устав лететь.
Люди воду вдохнув, тоже падают вниз.
Плавно и не спеша, прямо к центру Земли.

Там в центре Земли, есть земное ядро.
Жидкий камень горит. Солнца кипучий брат.
И точно за этот счёт мы ходим ногами вниз.
А не на своих головах и часто не по чужим.

Всё падает вниз. Сердце земли бурлит.
Там, глубоко, глубоко. И не умеет спать.
От гравитации нет спасенья и нет чертей,
Чтобы её обмануть. Можно немного вверх

Но после всегда назад. Это такой закон.
Просто как и дышать. И все, кто мне говорил
Что так вот быть не должно – люди, да вы смешны.
Всё падает вниз. Это легко понять.

Это принять – огонь. Это до звона крик.
Это как смерть детей. Это за болью боль.
Это крошечный Ад. Знать что ты – заслужил.
Камень. Падает. Вниз. Кричи ему «ТЫ НЕ ПРАВ!»

Делай что должен и, где добро, а где зло,
Спрашивай у себя, ибо итог един.
Даже где нет причин. Даже в кровавом сне.
Камень вниз упадёт. Жёстче урока нет.

Это страшно, когда цели нет, только путь.
Смысла нет, аж тошнит. Ищем его во всём.
Этот мир – справедлив. Ты или я в дерьме,
Камень вниз упадёт. Ну, не надо, не плачь.

38.

Драконы. Несгибаемая сказка.
Металл по венам, чудо бытия.
Пускай на крыльях всё ещё не я,
И не пятнадцать мне. Ликуют краски,

В мозгу пылают, будто ни с чего.
Расписывают красотой тревоги -
Что мне молитвы, что мне ваши Боги.
Я просто верю. Да придёт Огонь.

И пламя всё расставит по местам,
Когда-нибудь. Да, я не знаю меры,
Но сердце не умеет жить без веры,
Пока стучит. И после я воздам

Всем истинам положенное им.
Их много. А меня лишь смерть изменит.
Ну а пока во что-то нужно верить.
В драконов. Почему бы и не в них.

39

Я пиво пью по пятницам и литр.

Кто знает почему, не льётся в рот
Ещё. А кто-то может и наоборот,
Но я не кто-то, я себе свой мир.

Я жирного не ем. Уже давно.
Мне запретили я и перестал,
Я был тогда совсем, представьте, мал,
А до сих пор гастрита не дано.

Я не колюсь, хотя спокойно б мог.
Вот это точно, самый главный риск,
Люблю отключку, чтоб ни крик, ни писк...
Но! Люди есть кому дороже ног

И даже рук я, с ясной головой.
Так, что ещё-то... я не бью собак?
Но тот себе реально главный враг,
Кто б всё от жизни взял. Нет, я другой.

Я, видимо, брезглив. Не тащит слог
Сложить в строфы Умеренности оду.
Я много пью, но, ржите, я пью воду -
И нет, души моей не чистил Бог.

Я просто не хочу. Такой компот.
И мне во впечатлениях неспешность
Важнее, чем блудниц на свете нежность
Вся вместе взятая. Другим наоборот.

Возмездию меня не задавить,
Тебе на кой я, славный Меч Небес?
"Не жрёшь младенцев? Как? Ведь ты же бес?!"
Не в заповедях дело, может быть?

40
Смотри в огонь под вой пурги, десятый из детей.
Смотри, как пламень кольца вьёт из мертвеца ногтей.
Клади на хлеб медвежий жир, горячий пей отвар.
А я спою тебе о том, как страшен Нагельфар.

Мы в путь последний старику скотим крепкий плот.
Дары возложим на него и примет его фьорд.
И лишь ногтям его судьба сгореть под треск огня.
Мне пела мать моя о том, теперь пою и я.

Прижмись тесней, пусть к нам придут и козы и коты.
Твои неполных восемь зим не видели беды.
Но в эту от голодных ведьм хранит нас только дверь.
И снаряжает Нагельфар в свой путь последний Хель.

Когда Фенрир пожрав наш свет на гибель мир обрѣк,
Тогда в крови под тварей вой наступит Рагнарѣк.
И жуткий призрачный драккар по льду как по воде
Ётунов орды принесѣт на смерть тебе и мне.

Его борга и дно его в когтях корявых тьме,
И полный скверны Нагльфар не ходит по воде.
И чтобы противостоять холодной смерти дню,
Мы ногти мертвецам стрижем и предаѣм огню.

Мы завтра деду твоему вернем последний долг.
Мы пальцы срезали ему, чтоб тьме он не помог.
По окна снега намело, не видно звезд. Малыш,
Нагльфар прибудет не сейчас, чего же ты не спишь?

Глава 9

41

Выпусти шторм во вне.
Выживет ли во мне,
Что-нибудь кроме зла.
Сложит навеки пазл

Ярость моя из дней
Жизни смешной моей.
Сам выбираю срок.
Нервы в тугой клубок.

Тикает ли в груди.
Хочешь идти? Иди.
Пусть пропадёт мой пульс
Пропадом. Остаюсь.

Я презираю даль.
Дали меня не жаль.
Путь христиан прощать?
Что ещё скажешь блять?

Он не спроста возник.
Шторм это моря крик,
Вопль что из глубин
Рвётся. А ты один.

Ненавистью горя
Из самого себя
Я выпускаю шторм.
Кто не бежали - корм.

42

Огород твой коза испортила? Городись, если хочешь прибыли.
Чья-то совесть покрыта копотью? А свою-то давно ты видел ли?
Города небоскрёбы в звёздное небо мечут до дыр проколотых.
Кто использовал, кто использован любопытно, но лишь по-молоду.

А когда оно было, молодо в исчислении человеческого?
Годы те перебиты голодом. И смотреть чуть-чуть по-отечески
На людей или нет, не важно мне - забавляет в столетий сумерках.
Лишь привыкни вот тут получать минет: вновь приходишь, а тут все умерли.

Мимолётное. Быстротечное. Будто бабочка из сияния.
И того что могло б вековечно быть мало в вечности до отчаянья.
Было огненно. Было пламенно. Ныне ж тёмного честь хранителя
Так завязана на тщеславии, что одно из другого не выпилить.

На глубоком, как грех антихристов, совершенно не добродетельном.
Пусть другие мёд на свои сады льют в мечтании благодетельном,
Что приманят пчёл. Я в навозе весь и в органике - но рашу цветы -
Снисходительно улыбаясь тем, кто хотел со мной говорить на ты.

43

Что ты знаешь о нашей жажде.
Там не рядом с обычным "пить".
Это Бог, что не спросит дважды.
Это голод, что не утолить.

Это знание вернее боли.
Это истина, как рассвет.
Разум мой пересыпан солью
Так иссушен, что на просвет

Всё видать, сквозь узор извилин.
Что желал и о чём мечтал.
Жажда просто стирает имя,
Той, кого ты всю жизнь искал.

Жажда жжёт закрома с пшеницей.
Жажда шлёт корабли ко дну.
Забывая слова и лица
Ты запомнишь её одну.

Может прежде и гнал по встречной,
А теперь же судьба одна:
Покупая за жажду Вечность
Превратиться в её раба.

44

Всё немного не так как должно в быть былинах наверное.
Совершенно не так, как с меня от других ожидалось бы.
Я на берег схожу и в объятия племени верного
Я на камни прибрежные скошенным колосом падаю.

Вот жена в суете ожидания у сходней как статуя.
Дети льнут, и собаки, и воины, и челядь, не выгрести...
А меня казнит море и ноги в узлы как у пьяного.
Там добычу делить, ну а мне до ведра б только выползти.

А потом будет ночь кровью пленников пенится полная.
И луна станет выть как волчица над серыми скалами.
Ярл не может быть слабым второй иль десятой бессонною.
Ярл не должен соперников видом растерянным баловать.

Лишь под утро, когда завершат славить Одина грешники

И по небу размажется солнце серебряное алое
Я рабыню тяну на постель словно озеро нежную.
Ту, что сердцем единственным в этом бедламе ждала меня.

45.

Всем нам вечно кажется, что видали многое.
Бьёт в груди тщеславное, что оно гранит.
Думы заполняем мы шуточными догмами,
Чтоб не помнить истинно от чего болит.

Не бывает подлого, не бывает жаркого,
Не бывает горше тех, троп что мы прошли.
Если пасть, то на людях, лишь бы не бесславною
Смертью. Но бывают те, от кого тошнит.

Не за то, что гадкие, не за то, что слабые.
Не за то, что гордости не хватило сил.
Не за то, что злобные и неблагодарные.
Тихие свидетели - ты не защитил.

Податью не купишь ты, в золоте рубахами,
Позабыть того с чем мир суета и тлен:
То, как девки трюмные, досиня затраханы,
С носа в море прыгают, в гибель, но не в плен.

И тела их нежные, от воды распухшие,
Дранные акулами, не дойдут до дна.
Не возьмут в Вальгаллу раз плачущие души их
Пусть залечит раны им ласково волна.

Глава 10

46.

Слышишь? В толпе стотысячной, тихое пенье слышится.
Пошлости средь и низостей словно звенит ручей.
Слышишь? Ну, вынь наушники! Будто бы легче дышится,
В миг, когда взглядом искренним пересечёшься с ней.

Голос её серебряный "Только без шуток, мальчики!"
Может она капризная, только бабла впритык.
Садишь в машину чистую, робкую, как русалочку.
Кто-то однажды обрёл её верить таким как ты.

Ехать за город в сауну, будто по полю минному.
Ждали на всё согласную четверо молодцов.
Всё она стерпит, милая, ради мгновенья дивного,
Чтобы в парилке пьяного к печи прижать лицом.

Выкрадет деньги, карточки, что-то ещё, по мелочи.
Я бы сказал, что зла она, да не умею врать.
Пусть она будет счастлива, это смешная девочка,
В мире, что так не вовремя выучил убивать.

47

В море океане
Дивна дева есть.
У неё талантов
И не перечеть.

Папы с мамой гордость.
Женихам привет!
У ундины всё есть.
Только слуха нет.

Моряки не плачут,
Не зовут на бись.
А сигают за борт
С криками "Заткнись!"

И поёт ундина
Песни в стиле гроул.
«Что я слышу, юнга?»
Это рок-н-ролл.

48

Глупый, сладкий коктейль: водка, что-то и блю кюрасао.
Моё тёмное пиво в высоком холодном бокале.
Шепотки по углам и напротив глаза не из стали.

"Coffe Story" кафе называлось. Я помню так мало.

Да, я в принципе помню не много, но это запомнил.
Ты была не нужна, бег от скуки на пару часов.
Я тебе был вселенной из магии, писем и сов.
Мы курили с балкона смеясь, и не мёрзли в исподнем.

С детства разные, как уваженье и жгучий респект,
Мы друг другу на память писать что в альбомах не знали.
Я к себе тебя не подпустил, и, оставшись друзьями,
Мы смотрели с балкона как тонет под ливнем проспект.

Я смотрел, как две жизни входили в крутое пике,
И в глаза твои - тайну, что ясной мне так и не стала.
Я запомнил то лето, дожди, водку, блю кюрасао -
Гипнотически лакомый цвет на твоём языке.

49

Чудо пронзает болью, стрелой на вылет.
Чудо в слезах полощет тряпье надежды.
Счастлив ли тот, кто ни разу его не видел?
Счастлив, кому после чуда не жить как прежде?

Зверем голодным чудо заходит в двери.
Слышит молитвы, плюёт в них, покруче Бога.
Кто ты такой, чтобы в поступь его не верить?
Кто ты такой, чтоб не ждать его у порога?

Глотка надежды ночи беззвёздной пропасть,
Парализует волю на стоны стёбом.
Чудо берёт улыбаясь чужую гордость
И заставляет растечься покорным мёдом.

Чудо в полнеба грянув в глазах застыло,
Памятью дома душу порвав скитальцу.
Я тебя видел, чудо, зачем ты было?
Я тебя видел, как бабочку, что на пальцы

Села. И жизнь рванула стобальным дрейфом
Пляшущих континентов, совсем некстати.
Чуду надежда вроде от спазма шлейфа.
Я верю в кровь и зубы. Не надо. Хватит.

50

За нас всех с вами и хрен бы с ними
Я поднимаю стакан без пива.
Я вновь как море, что без прилива,
Что волн тяжёлых уж не поднимет.
И снова в стену снаружи ночью

Башкой дурною стучится ветер.
Он соразмерно, по делу, в клочья
Меня калечит. Мне б сна за почку.
Ведь даже не дорого, ты погугли.
А мне б хоть что-нибудь, кроме ада,
Почти совсем ничего не надо.
Мне б просто вспомнить, зачем мне угли,
Те, что истлели, не дав ответа.
А я, представь себе, в семилетку
Раз умираю. Со мной бывает.
И за меня никто не растает.
Моя бессонница вновь рулетку
Свою закрутит, где шарик - пуля,
И в тихом доме, где все уснули,
Он скачет, лихо стуча по клеткам.
Я тост за ночи с удушьем свадьбу
Вновь поднимаю, как взгляд от пола,
До дна стакан, что не пуст, не полон -
Сухим безмолвием. Мне поспать бы.

Глава 11

51

Незачем в бездну заглядывать.
Не за что полночью каяться.
Не о чем тут разговаривать -
Ангелы не ошибаются.

Не ошибаются мудрые.
Не ошибаются древние.
Зеркалу мутному по утру
Не говорят "Поскорее бы

Сдохнуть". Зачем? Всё же здорово.
Правильно. Холодно. Истинно.
Чувства поветрие морово
Вечно пасует пред мыслями.

Нету в них места сомнениям.
Нету в них места желаниям.
Скалится вновь отражение
Чистым, как снег, обаянием.

Жаждой иного не маются,
Как аксиомы и правила.
Ангелы - не ошибаются.
Где вы их видели, ангелов?

52

Кто обманул так жестоко нас,
Вшив под грудины по пеленгу?
Чтоб из друг друга смотрели глаз.
Чтобы поврозь - истерика.

Ложками, вёдрами жрать бы соль
В вашей святой обители.
Кто обозвал мою ненависть - боль
Верностью пса хранителя?

Ненависть? да... ДА! НЕНАВИСТЬ!
В рожу плевок Всевышнему!
Я б убежал за край света, но...
Но маяки все выжжены.

Выжжены в корень, в пропасти,
В чёрные бездны хаоса.
ТЫ мне возвращаешь лопасти
Не повышая градуса.

В будущем ты и в прошлом - ты.
Рёбра сломать бы пальцами,
Выскрести, вырвать бы сквозь бинты,
Но ты же по-глубже кальция.

Жизни не дали и смерть не сулят.
Ты - где-то там, по нейронным токам.
И в бесконечном "Умру за тебя",
Господи, КАК ЖЕ МЫ ОДИНОКИ.

Лёгкие в клочья, чтоб на просвет,
Воздух рвёт твоим именем.
И я лечу в сотый раз на Свет,
Чтоб прохрипеть "Обними меня."

53

Никогда не говори «никогда».
И не вешай ярлыков: враг ли, друг.
Посмотри, на север птицы летят.
Хоть по логике вещей – им на юг.

Нам, по логике вещей, быть бы врозь.
Мы и врозь, как видишь, но, кто бы знал,
Где то очень глубоко держит ось,
Та, что выше их, добра или зла.

Держит, кружит и зовёт в сотый раз,
Снова в омут, там, где край и излом.
Мы сшибаемся – и искры из глаз.
Мы расходимся дру друг другу на зло.

Как-то в школе, я не помню, давно,
Говорили нам про лёд и огонь.
Оказалось важно только одно:
Эта жажда, между «да» и «не тронь».

Оказалось важно только одно.
Да и важно ли теперь, и кому?
Я лечу, а ты стремишься на дно,
Но без искр тех мы оба – во тьму.

54

И снова весна распустится в небе лунами.
И плавится снег и веришь, что вновь попробуешь.
Ты снова уйдёшь и опять далеко. Ты чувствуешь?
Я снова уйду и не оглянусь, я думаю.

И будут ясные дни и ночи ненастные.

И будут точки контакта и противоречия.
И где-то поврозь, опять, на зло недоверчивым,
Мы снова будем бесстыже, безмерно счастливы.

Мы будем счастливы солнечно, полночью, адово.
Ведь счастье - выбор. Не единожды и не дважды,
Чтоб снова вляпаться в эту игру однажды.
Мы снова будем. Просто. И это главное.

55
Соблазн. Калеченною нитью
Струится по сосудам пульс.
В миг из того, что нужно выйти
И рухнуть в то, что хочешь. Пусть.

Среди холодных, строгих будней,
Тарифов, планов и расчётов,
Мы позабыли, что мы люди.
И в эту жизнь приходим чтобы

Гореть. Хотя бы по секрету.
Хотя бы самой страшной тайной.
Хотя бы в сети интернета
Украсть бы у себя, случайно,

Ключи от "Должен и обязан",
Что прилагаются ко фраку,
Пенсне, бордо, семейным связям
И потерять их в пьяной драке!

И самому вдруг потеряться
В угаре жарко слепо алом.
Впервые в жизни не бояться
Быть диким, глупым, жадным, шалым.

БЫТЬ в сладкой одури истомы
Прекрасно зная о расплате.
О, с этой дамой мы знакомы.
С её стальным, не громким "хватит" ...

И даже грёзы невозможны.
И даже отраженья - лживы.
Мы выбираем то, что должно.
Чтоб снова делать вид, что живы.